

Вырезка из газеты

КРАСНЫЙ СЕВЕР

- 3 июл 1982

г. Вологда

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Профессор Вологодского государственного педагогического института, доктор филологических наук В. В. Гура закончил работу над рукописью книги «Связь времен» — об известном советском искусствоведе и писателе Иване Васильевиче Евдокимове (1887—1941), многие годы жизни и творчества которого связаны с Вологодчиной. Мы знакомим читателей «Красного Севера» со сравнительно небольшим отрывком из рукописи книги В. В. Гуры, но, думается, и в этом отрывке предстает облик человека, о котором так тепло отзывались М. Горький и А. Луначарский.

* * *

«Колокола»... хороший шаг вперед от «Сиверко»... Читатель... почувствует, когда Вы ему покажете себя таким, каков Вы есть, — человеком, который одержим желанием показать людям горькую, страшную, смешную, жалкую, радостную и всяческую иную правду, как Вы ее видите, чувствуете».

М. Горький, 13 мая. 1926 г.

«Прочитанный мною роман Евдокимова, составляющий третью часть его трилогии «Заозерье», доставил мне удовольствие при чтении. Он содержит в себе очень большой и сочный кусок революционной жизни... Во всяком случае, все очень правдоподобно и убедительно».

А. Луначарский, 16 июня 1930 г.

* * *

Иван Евдокимов — вдохновенный певец революционно переустройства мира и воинствующий защитник искусства Древней Руси, большой знаток деревенного зодчества и живописи русского Севера, известный советский искусствовед и писатель, живописавший становлению новой жизни на Севере и, наконец, талантливый биограф, создавший памятные портреты выдающихся русских художников... Кто знает теперь его имя, кто из современных читателей сможет назвать дватри известные хотя бы понаслышке произведения Ивана Евдокимова? Даже всезнающим краеведам не очень-то хорошо знакома монография «Север в истории русского искусства», ставшая в наши дни, можно сказать, библиографической редкостью... А кто читал романы, повести, рассказы Ивана Евдокимова, кто знаком с его книгами о Борисове-Мусатове, Врубеле, Сурикове, Репине, Крамском, Левитане?..

Литературное наследие Ивана Евдокимова во всем его объеме остается неизвестным даже знатокам советской литературы. А ведь есть еще немало других сфер его деятельности. Можно говорить о Евдокимове-издателе, стоявшем у истоков нового социалистического искусства, о его литературно-критической работе и попытках определить склад и облик рабочего писателя. Особая и мало кому известная страница —

Евдокимов-мемуарист, остро характеризующий литературный процесс двадцатых годов. Наконец, еще и не поставленный вопрос о характере взаимоотношений молодого, жаждящего сказать свое слово о революции писателя со старшим поколением советских литераторов — с М. Горьким и Д. Ведным, А. Луначарским и А. Воронским, Сергеевым-Ценским и М. Пришвиным, с литераторами, изображавшими революционные перемены молодой России и вписавшими свой вклад в создание характера нового человека — с Д. Фурмановым, Ф. Гладковым, Бс. Ивановым, А. Веселым, Л. Леоновым...

Упомянем об особых симпатиях друг к другу Ивана Евдокимова и Сергея Есенина, об их творческой близости в изображении исторических судеб русского крестьянства, его путей в революции, участия в создании русского искусства.

Остается еще напомнить об исключительно теплых отношениях Ивана Евдокимова и Дмитрия Фурманова, большой дружбе и радости общения. И совсем уже нельзя забыть — их творческие связи, близость жизненных позиций и обретенных опытом художественных взглядов, а все это сказалось на творческом облике писателей, на их вкладе в развитие молодой литературы.

Жизнь Есенина, как известно, оборвалась трагически в самой середине двадцатых годов. К этому времени поэт выразил преимущественно судьбу мятущейся личности, остро воспринимавшей революционные перемены, раскрывал трудное осознание закономерности этих перемен, переход личности к радостному восприятию революционной нови. На самом взлете своей бурной общественной и литературной деятельности почти одновременно с Есениным ушел из жизни Д. Фурманов, не завершив дерзких замыслов по созданию эпопеи гражданской войны, начатых «Чапаявым» поисков новых форм изображения новой действительности, характера ее активного героя.

Расцвет творческой деятельности Ивана Евдокимова падает на вторую половину двадцатых годов, когда один за другим создаются и выхо-

дят в свет повесть «Сиверко», роман «Колокола», когда трудно разворачивается в цельное повествование трехтомный роман «Заозерье»... Это годы самого высокого взлета и небывалого успеха писателя, широко захватывшего события кануна первой русской революции и судьбу рабочего подростка, его прозрение как героя своего времени. Это годы становления Евдокимова как бытописателя первой русской революции и, наконец, как певца города и деревни в бурные дни Великого Октября. В это время имя Евдокимова не сходило со страниц печати. Это был один из самых активно читаемых писателей. Высоко отзывались о нем и тогдашние придирчивые, мало доказательная, а часто и очень злая критика.

Успех этот сменился неудачами. Они начались с романа «Чистые пруды» и затянулись надолго, почти на целое десятилетие. Осень наступила в самом разгаре творческого лета, небо затянуло мрачными тучами, зарядил нескончаемый холодный дождь. Критика ожесточилась в своих оценках, и нельзя сказать, что она не была права в самой сущности. За «Чистыми прудами» следовал роман «Зеленый роща», затем повесть «Дорога», документальное повествование «Архангельск», автобиографическая повесть «Портрет Василия Мещерина», роман «Икар-птица»... Но критика как сменяла милость на гнев, так и остановилась на этом. Вернее сказать, критический пафос даже возрастал — начали появляться статьи фельетонного типа. В своих разносах критика не оставляла от писаний Евдокимова камня на камне...

В этих условиях писатель сначала возвращается к искусствоведческой деятельности и создает книгу «Суриков», затем разрабатывает жанр биографической повести — «Репин», «Левитан», «Крамской», а незадолго до смерти завершает работу над первой книгой большого биографического романа «Михаил Чермоштов»...

Можно ли доискаться до причин такой сложной творческой судьбы писателя, которая познала и стремительный взлет и большие неудачи? Вскоре наступило горькое и несправедливое забвение самого писателя. И продолжается это забвение почти полвека. Книги Ивана Евдокимова не издаются, литературное наследие не изучается, имя писателя как автора широко известных в свое время произведений даже не упоминается

в истории советской литературы.

Трудно ответить на все эти вопросы однозначно. История литературы знает не один пример, когда вслед за большим успехом бесконечные неудачи преследовали писателя. Особенно часты такие случаи у истоков советской литературы, среди писателей, в ряду которых начинал свой путь Иван Евдокимов. Хорошо известны теперь трудности, с какими шел к изображению нового мира Б. Пильняк, В. Шишков, И. Бабель. Предпринятые в это время Артем Веселым поиски, его новаторские эксперименты не были оценены в полную меру современниками. Громадный успех повестей Л. Сейфуллиной двадцатых годов сменился трудностями совмещения «творческого дубса» с развитием литературы в тридцатые годы. На высоты большого искусства не суждено было подняться в это время и Ивану Евдокимову, но его исцалия как художника у истоков советской литературы, вклад писателя в ее развитие заслуживают самой высокой оценки.

Когда вскоре после окончания великой войны с фашизмом мне впервые довелось слышать имя Ивана Евдокимова и впервые читать его знаменитую книгу «Север в истории русского искусства» и роман «Колокола», в Вологде еще жили люди, знавшие писателя лично. Некоторые видели его, еще совсем юного, на Зеленом Лугу, на грязных рабочих окраинах, другие встречали на городских бульварах уже в студенческой форме. Можно было услышать и рассказы о трудном переломных годах гражданской войны, о местной службе в Молочном. Всякие мои попытки узнать подробности жизни писателя, особенности его личности оставались безуспешными. Мои собеседники или уклонялись от ответов или, вероятнее всего, — немного знали. Больше говорили об отце писателя, о его необыкновенной предприимчивости в торговле, чем о таланте его сына. Мне даже казалось, что на жизнь семьи Евдокимовых в Вологде старались накинать пелену загадочности, таинственности и уже этим бросать тень на творчество писателя. Даже старожилы, всегда с гордостью готовые вспомнить своих выдающихся землячков, охотнее всего говорили о неудачах Ивана Евдокимова, склонны были недооценивать его и как краеведа и как писателя. Монографию «Север в истории русского искусства» объявляли устаревшей книгой. Вспоминая роман «Колокола», сомнительно пожимали плечами и ограничивались рассуждениями о натуралистическом копировании воло-

годских реалий... Во всем этом чувствовалась какая-то обида на писателя и во всяком случае сквозило холодное равнодушие к его творчеству, к личности, к трудным исканиям художника. Да, и здесь не повезло писателю. Земляки не пожелали оценить по достоинству то, что сделано было с любовью и вдохновением. Понадобилось еще несколько десятилетий, чтобы понять Ивана Евдокимова и с этой стороны, — как певца русского Севера, как единственного, в сущности, художника, раскрывшего знаменательные процессы революционного обновления жизни в краю вологодском, сложные противоречия, терзавшие и деревню и город в эпоху революционной ломки...

* * *

28 августа 1941 года писатель, имея намерение вступить в народное ополчение, выехал из-под дачной Истры в Москву, но в дороге скончался — остановилось давно большое, надорванное изнурительным трудом сердце. Близкие и друзья, оставшиеся в столице, похоронили Ивана Васильевича на Новодевичьем кладбище...

С тех пор минуло более четырех десятилетий и шесть десятилетий прошло с того времени, когда писатель покинул родные края, продолжавшие питать его творчество живительными соками и добрыми традициями исконной Древней Руси. Связь времен в его книгах не рвется, а утверждается днем сегодняшним.

Из моего окна видны живописные поля, близкие перелески и дальние леса до самого теряющегося меж ними Куркина, а за полями в туманной дымке — плавящаяся лента реки Вологды, на которой не одну раннюю зорю встретил автор повести «Сиверко». За рекой — Молочное, где столько было пережито писателем, где рождались замыслы его первых книг, а рядом нехоженые им места — Ильинское, Марфино, Прибытковое, Агафоново... Широкая полоса современного шоссе, тесняемого лесами, вырывается к озеру Кубенскому, к деревням родового гнезда Ивана Евдокимова. Здесь еще в детстве встретил он не одно зеленое лето с ярким солнцем в синеве бездонного неба, слышал, как и я теперь, осенний клекот журавлей и думал, не заблудились ли они в бездорожном туманном небытоводе... Верится, что творчество Ивана Евдокимова, не устававшего радоваться извечному весеннему обновлению жизни, будучи сегодня возвращенным читателю, не оставит его равнодушным.